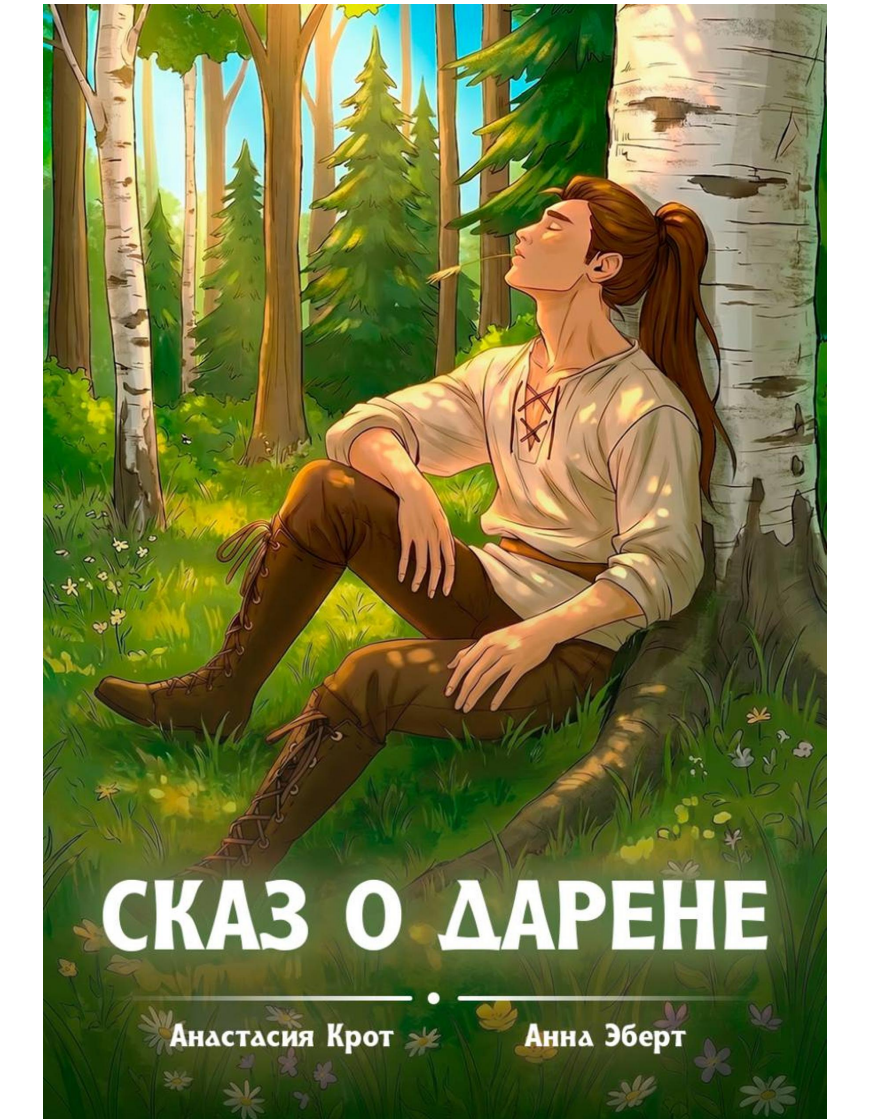

An illustration of a young man with long brown hair tied in a ponytail, sitting on a tree stump in a sunlit forest. He is wearing a white long-sleeved shirt with a crisscross lacing at the neck, brown trousers, and brown lace-up boots. He is looking up and to the left with a peaceful expression. The forest is filled with tall birch trees and green conifers, with sunlight filtering through the leaves. The ground is covered in green grass and small white and yellow flowers.

СКАЗ О ДАРЕНЕ

Анастасия Крот

Анна Эберт

Анастасия Крот Анна Эберт Сказ о Дарене

<https://litres.ru/73892564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два года назад Ярослав и Дарен оставили Старград позади, надеясь начать новую жизнь. Но от прошлого не так просто сбежать. Теперь Дарен наконец готов подробнее рассказать то, что скрывал всё это время.

ВНИМАНИЕ! ВО ИЗБЕЖАНИЕ СПОЙЛЕРОВ РЕКОМЕНДУЕМ ЧИТАТЬ ДАННЫЙ РАССКАЗ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ 35 ГЛАВЫ "БОГАТЫРША. СКАЗ О ПЕРСТНЕ И ТЬМЕ"

От авторов: Если вы уже приобретали наши книги «Богатырша» и/или «Богатырша. Сказ о перстне и тьме» в любом формате — печатном, электронном или аудио, напишите нам, приложите скриншот или фото покупки, и мы с радостью подарим вам этот рассказ :)

Содержание

Начало	4
Глава 1. Прошлое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Эберт, Анастасия Крот Сказ о Дарене

Начало

- Я хочу тебе кое в чем признаться. Но обещаю, что моя голова останется на плечах!

Ярослава обернулась и удивленно приподняла брови. Пара зеленых глаз пронзительно уставилась на юношу:

- Это зависит от того, что ты мне скажешь.

- Ясь, ну правда, - взмолился он, - ты не представляешь, как долго я собирался с мыслями. Два года. Два!

Княжна усмехнулась, но ничего не ответила. Вместо этого сделала выпад вперед и взмахнула рукой. Земля загудела, задрожала. Послушно отозвавшись, из нее вырвались корни. Они сплелись между собой, завершив то, над чем девушка трудилась последние несколько дней. На глазах у Дарена домик похорошел: крыльцо выпрямилось, крыша затянулась плотной древесной вязью, в углах и щелях просочился мягкий мох. Теперь ни ветер, ни дождь не проберутся внутрь. Небольшой домик в лесу наконец-то стал пригодным для жилья. Дарен был рад, что ему больше не придется терпеть

pronзительный ветер и надоедливые капли дождя, отчего-то падающие ему точно в голову, куда бы он ни перелег.

- Ну вот и готово. - Сказала Ярослава, отряхивая с ладоней невидимую грязь. - Пойдем хоть пообедаем. Там и расскажешь.

- А я уже накрыл. - Довольно отозвался юноша. - Сытая женщина - добрая женщина.

Ярослава улыбнулась.

Они вошли в дом. Внутри пахло сухими травами, смолой и свежей землей. Пучки зверобоя, мяты и других трав висели вдоль стен. Под ними слева стояли низкие столы, заваленные глиняной посудой и резными ложками. В дальнем углу покоилась широкая постель из переплетенных корней, устланная шкурами и тканями. На обеденном столе уже дымили две глубокие миски с похлебкой - аромат кроличьего мяса смешивался с запахом чабреца.

- Что ты хотел рассказать мне, Дарен? - Ярослава села на лавку, набрала похлебку в ложку и подула, разгоняя поднимающийся от яства пар.

- Только слушать придется долго. - Он прокашлялся, собираясь с духом, и начал. - Стояла середина лета

Глава 1. Прошлое

Стояла середина лета. Я лежал в тени полувысохшей березы и лениво жевал травинку. Часто любил делать так. Тот редкий случай, когда можно было отдохнуть в тишине. Неподалеку паслись порученные овцы. Чуть слышно доносились звуки из Болотово.

- Вы только гляньте на него! Спит в тенечке, пока все спит! гнут!

Этот голос я хорошо знал, потому не отреагировал. Добрыня вечно изводил меня. Обычно я называл его Злобыней. Он был высоким и тощим. Говорил премемерзко своим тонким девичьим голоском.

- А мы его счас быстро разбудим!

Вторым, кого я терпеть не мог в Болотово, был Деян. Вечно собачкой ходил за Добрыней и поддакивал ему. Ростом не вышел, зато уродился коренастым. Ему поручали тяжелую работу, но делал он ее спустя рукава. И этим двоим никто и слова не смел сказать, все же первый - сын старосты, а второй - его племянник.

Впрочем, во всей деревне меня не жаловали особо. Не знаю, что злило их сильнее - то ли то, что я ученик колдуна, то ли то, что зрение мое было ни к черту, и грядки я выгребать не мог как следует: вместе с сорняками ростки выдергивал. Сколько раз честно пытался - все одно, бабы ругались,

будто я нарочно вредил урожаю. Так и отправили меня на самое простое занятие - овец пасти, чтоб под ногами не мешался и бед не приносил. Но и там покоя не находил. Стоило мне присесть на пригорке, как чувствовал на себе взгляды. Было неудобно, но старался не обращать внимания. Им же не объяснишь, что помимо помощи с овцами, мы с наставником ой как много делаем, когда никто не видит. Они вместо этого богов благодарят за то, что напасти их стороной обходят!

И тем днем я по обыкновению упорно делал вид, что этих двоих рядом нет, но воздух и зажатую между зубов травинку выбило от сильного удара. Я инстинктивно свернулся калачиком, сжимая бок. Зашелся кашлем. Прилетало не впервой, но до чего ж сильно лупили каждый раз!

- Чего вам?

Раздражение кипело во мне. Я уставился на дураков, что изо дня в день донимали меня. Иногда они это делали от скуки. Иной раз просили дать отвар, который вызовет запор или девку приворожит, а когда слышали отказ, то избивали меня.

- Как это чего? Пришли проверить, как ты пасешь овец наших. - Пропищал Добрыня.

Тогда я понял, что им просто скучно. Опять.

- Проверили? Идите по своим делам. - Бок все еще саднило, но я старался не показывать боли, иначе нападки станут только агрессивнее.

- Мы разве тебе не говорили отрезать космы? - коренастый

присел рядом на корточки и резко дернул меня за волосы. - Как девка выглядишь! Иль, может, ты нарочно?

Парочка загоготала. Я ударил по вцепившейся в волосы руке, но это не возымело никакого эффекта. Коренастый лишь сильнее натянул пряди, вынуждая запрокинуть голову.

- Так это, может он ищет иного толка работу? - тощий широко улыбнулся. Несколько зубов не хватало. Моих рук дело.

- Закрой свой рот!

Я был весьма пылким тогда. Дернулся, желая наподдать обидчику, но хватка коренастого оказалась слишком сильной. Знал это, и все равно пытался выбраться, разбить обидчику лицо.

- Деян, ты только глянь, как смотрит! Похоже, умертвить тебя хочет! - засмеялся Добрыня. - Вот только силенок не хватает. Иль побежишь жаловаться своему колдуну, как девка?

Парочка снова загоготала.

Тогда я отделался лишь одним синяком на боку. Видать, у деревенских настроение оказалось хорошим. Они ушли, оставив меня в покое.

- Как же ты докатился до такого? - вдруг перебила Ярослава. - Почему просто не ушел из деревни?

Она отложила ложку и теперь смотрела на меня внимательно. Наверное, мой рассказ зацепил ее. В другое время она бы продолжала заниматься своими делами, лишь изред-

ка кивая, слушая вполуха, но сейчас все внимание было обращено ко мне. Что не могло не радовать.

- Сама же знаешь, не все в жизни так просто. Да и деревня та мне не родная была. Я был бы только рад уйти, кабы все зависело от одного моего желания.

Ярослава вопросительно взглянула, без слов подталкивая продолжать.

- Похоже, рассказ выйдет очень долгим. Ладно, начну издалека. Родился я в Громодарском княжестве.

Заметил, как брови ее метнулись вверх. Не особо удивилась, но такого точно не ожидала.

- То-то на местных не сильно похож. И как же тебя в Болотово занесло?

- А ты не перебивай, все расскажу. Жили мы бедно, как и многие в округе. Отец вечно где-то пропадал, пьянствовал, а мать то на поля ходила, то ночами пыталась спасти нас от его избиений. Уж не знаю, за какие грехи родители продали ее этому мужлану. Я его на дух совершенно не переносил. Впрочем, не жаловался. Так жили почти все на нашей улице. Отца никто не осуждал, мол, мужик, что с него взять. А вот мать грязью поливали, дескать, хозяйка она никудышная, раз ее приходится так «воспитывать». И о моем воспитании также говорили.

Городок наш назывался Неяск. Даже знать не знаю, стоит ли он до сих пор. Озеро да несколько рек окружали его со всех сторон, потому там вечно было сыро, туман стлался над

крышами, а морось, казалось, никогда не прекращалась.

В один из таких серых осенних дней мать вернулась с поля усталой и бледной. К ночи ее начал бить жар. Отец в тот день в очередной раз пьяный приполз домой и рухнул на пороге, да там же и захрапел. Я бегал по соседям, стучался в двери, просил отваров каких или одеял и шкур для матери, потому что в доме с приходом осени стало проморзгло. Но меня гнали прочь.

Помог лишь пришлый старик, что объявился за пару седмиц до этого на нашей улице. Я несколько раз видел его, сидящем на чьей-нибудь завалинке, да слышал разговоры местных о том, что, мол, побирается он, нищий, и гнать его надо взашей - самим есть нечего. И вот, когда я стучал в очередную соседскую дверь и молил о открыть, он вышел из тени и предложил помощь. Старик пришел к нам в дом, сидел у кровати и отпаивал мать, как мог, шептал что-то постоянно. Но к утру жар ее тела сменился холодом.

На рассвете отец проснулся. Орал, тряс мать за плечи, бил по лицу. Он все не мог понять, что она уже в Навь отправилась. Я пытался его оттащить, сквозь всхлипы говорил, что ее больше нет. Но лишь получил наотмашь по лицу, аж кровь из носа пошла.

Старик, который пытался помочь, оказался знахарем. Он меня отвел к себе, - оказывается, у него был дом да намного ближе к центральной улице, - компотом горячим напоил, выпечкой накормил - я на тот момент такую ни разу не про-

бовал, очень вкусная, - а потом ушел, наказав не выходить на улицу. А я и не собирался. Впервые тогда смог спокойно поспать и отдохнуть с набитым животом.

Старика не было весь день, а когда вернулся, начал и меня отварами отпаивать. Я тоже тогда заболел, видать, от матери заразился. Яков сказал, что четыре ночи на грани Яви и Нави был. Обо мне так никогда не заботились. Я вкусно кушал, в горячей воде распаривался, отдыхал, а не на реке пахал.

Старик домой меня не пускал, да и я как-то не очень хотел возвращаться. Даже одни только мысли о матери причиняли боль, отчего в груди все сжималось. Ее образ все время стоял перед глазами: усталая, осунувшаяся, бледная. Я все время тихонько плакал, чтобы старик не видел. Отчего-то не хотел, чтобы он видел меня таким раздавленным и сломленным.

Уж не знаю, какие боги меня слышали, но в дом я вернулся лишь один раз и то, чтобы свои скудные пожитки собрать. За день до этого узнал, что отца вздернули. За что? Да черт его знает. Вроде подрался с кем-то важным или украл что-то. Я не сильно расстроился. Но в тот день я впервые почувствовал облегчение. Как будто с ног и рук сняли тяжелые оковы. Вместе с этим внутри образовалось какое-то чувство пустоты. Я остался совершенно один.

До самой зимы так и жил у Якова. В его доме всегда было тепло, даже когда по ночам уже подмораживало. В сенях сушились пучки трав, под потолком висели связки корней и грибов, а в углу, за деревянной шаткой ширмой, стояли ве-

щи, к которым он не подпускал меня. Однажды даже палкой по рукам хлестнул меня за любопытство.

Старик все время отлучился куда-то и запрещал мне выходить на улицу. Постепенно я понял, что он не просто знахарь, а колдун. Он редко говорил о своем ремесле прямо, но однажды, за ужином, будто между делом сказал, что мне бы стоило учиться. Что из меня, мол, может выйти толк. Что я нутром все хорошо чувствую.

Как он это понял - не знаю. Сколько ни спрашивал, только усмехался и отводил взгляд, будто не хотел, чтобы я узнал чего лишнего раньше времени. Да и чем он в Неяске занимался тоже не докладывал, вот только дом его был хорош и располагался не в бедном месте.

Я особо не придавал значения его предложению, но от нечего делать согласился. Возвращаться было некуда, а сидеть без дела - невыносимо. Когда узнал, чего мне это будет стоить, то свернуть с пути уже не мог.

- А если бы ты вернулся в прошлое и оказался перед этим выбором, согласился бы?

Я взглянул на Ярославу, вынырнув из воспоминаний. Она подалась вперед, подперла рукой голову и с интересом смотрела на меня своими красивыми зелеными глазами. Для таких и приворот не нужен – сами по себе очаровательны.

- Ну так что?

- Что что? Глаза твои красивые отвлекли меня. Аж позабыл обо всем.

Ярослава хмыкнула и в смущении отвела взгляд. Я с удовольствием заметил, что щечки ее слегка порозовели.

- О чем ты спросила? А! Так вот, если бы я вернулся в прошлое и оказался перед этим выбором, то не изменил бы его. Ведь только благодаря этому встретил тебя. А так был бы сейчас дряхлым стариком. Хотя нет... Скорее всего мое тело уже давно где-нибудь сгнило.

Ярослава ничего не ответила, лишь едва улыбнулась, а я продолжил рассказ:

- Наставник сначала давал мне простые задания: перебрать травы, растолочь коренья, смешать отвары. Приходилось много слушать и еще больше наблюдать. Старик иногда мог бродить по лесу и молчать часами, а я все повторял за ним. Позже стал ловил себя на том, что угадываю его движения еще до того, как он к ним приступал.

Ох, как же я позже жалел, что вообще ввязался во все это. Все эти корешки, листья, цветочки, настои - как же терпеть не мог все это. Наставник мог часами рассказывать, какое дерево, как и почему растет, какую траву когда срезать, а какую ни в коем случае не трогать после заката. Но, хочешь не хочешь, а за год кое-чему научился. Вскоре смог сам заговаривать отвары. Простые, конечно. От жара, от боли или от дурных снов. Но и это мне тогда казалось почти чудом.

Яков мне так и не поведал, откуда родом, лишь сказал, что приехал издалека.

Все чаще к наставнику стали наведываться жители Неяс-

ка. Молва о нем быстро разошлась. Сначала приходили осторожно, неуверенно стучались, озирались в доме. Потом стали тянуться все чаще за всякими настояями, отварами и мазями, пока в край не оборзели. Все им нужно было и от всего. И за просто так! И вот тогда я понял, насколько мерзкими могут быть люди. Те самые, что за глаза плевались и шептались, будто наставник с Навью якшается, будто беды из-за него в их домах возникают, - что было неправдой, - стали прибегать, как миленькие, стоило болезни их коснуться. Приходили, униженно кланялись, лебезили, голос делали жалостливый-прижалостливый, даже слезы на глаза пускали. Становились тише воды, ниже травы. Тьфу, смотреть на это было мерзко. Я злился, говорил об этом наставнику, спрашивал, как он может помогать этим лицемерам после всего. А он лишь отмахивался. Говорил, что не ему судить. Что боги сами воздадут каждому по делам его. А помогать надо всем, потому что нет ничего ценнее жизни. Если честно, до сих пор не очень понимаю его. Тут я с твоим братцем Иданом больше соглашусь, что иногда лучше избавить мир от пары тройки человек, чем дать умереть тысячам из-за них.

Ярослава выпрямилась, отложила ложку и скрестила руки на груди. Взгляд ее уперся в единственное окно, за которым шуршал вечерний лес. Она долго молчала, словно примеряясь к словам.

- Да, - наконец произнесла она тихо. - В мире водится слишком много змей, и всех не перебеешь. Зависть и злоба

- это болезнь, с которой не всякий способен справиться. Вот только твой наставник прав - любая жизнь ценна, какая бы черная она ни была.

Я усмехнулся краешком губ и оперся локтями о стол, сцепил пальцы и какое-то время рассматривал потемневшее лицо Ярославы.

- А как же навьи твари, которых ты рубишь направо и налево? Разве их жизни не ценны?

- Так разве они живые? Они появляются из Нави лишь затем, чтобы причинять людям зло.

- А Траян?

- А разве он был человеком? Змея подколотная да тварь бездушная. Вернее, многодушная. - Громко хмыкнула Ярослава, а я рассмеялся.

Мы подобный разговор вели не впервые. В разных словах и в разных местах, но суть всегда всплывала одна и та же.

- Я, вообще-то, тоже тварь навья.

- И что? - она резко посмотрела на меня. - Думаешь, я об этом не помню? Помню. Просто не считаю это главным.

Она чуть дернула плечом, словно отмахиваясь от собственных мыслей.

- Помимо тебя я встречала навьих тварей, что вызывали жалость. Но они не могли бороться со своей сутью - и снова и снова причиняли людям боль. Как думаешь, почему я вообще позволила тебе пойти со мной? - моя любимая княжна злобно зыркнула на меня. - Чтобы приглядывать. И, если по-

требуется - Ее большой палец медленно нарисовал длинную невидимую линию, пересекающую горло.

- А разве не потому, что ты влюбилась в меня? Не смогла устоять перед моими чарами?

Она снова отвернулась к окну. Щеки порозовели, но плечи чуть напряглись. Я уже выучил этот жест. Значит, либо разозлилась, либо обиделась.

- Иногда, - продолжила она тише, - я думаю, что ты куда человечнее многих людей. Просто тебе не повезло.

Я усмехнулся, подался вперед и пододвинул остывающую похлебку Ярославe.

- И на этом спасибо. Сейчас мы оба свободны, как птицы, и можем делать все, что душе угодно.

Ярослава почему-то совсем поникла.

После некоторого молчания я все-таки решил продолжить:

- В общем примерно через год после смерти родителей Громодарское княжество объявило охоту на ведьм и колдунов. Прямо во всеуслышание, на площади. В тот же вечер всех бегущих из города похватали. Ух, скольких людей невинных просто так поубивали. Достаточно было криво на траву у ног стражника посмотреть, чтобы пасть в немилость.

Мерзкие, завистливые твари, коих людьми назвать язык не повернется, воспользовались ситуацией. Соседи доносили друг на друга, обвиняя в колдовстве. Стража не разбиралась, им будто нравилось отнимать жизни. Княжество бук-

важно захлебывалось в крови. Дома чернели, вместо осенних листьев на землю падал пепел, а по улицам лежали кучи обугленных тел, прямо как степняки под Пропащими горами. Их просто не успевали убирать. Из-за этого мор разразился. Было тяжело. Очень тяжело.

Мы бежали с наставником почти сразу. Дольше пары дней в Неясном не пробыли. Кто-то настучал на нас. Выбирались в телеге с трупами. Нас вывезли в лес да там в овраг свалили. Наставник сразу подхватил, но быстро себя вылечил. Не без моей помощи. Несколько раз чуть не померли, то от холода, то от людей. И, как назло, зима в тот год выдалась злая, ледяная и очень ветреная. Мы шли от одной деревеньки к другой, просились на ночлег, а на утро уже бежали обратно в лес.

Где-то нас пускали. Например, вылечиться кому надо было. Тогда нас прятали взамен на помощь. Но чаще приходилось ночевать в лесу, у костра, кутаясь в шкуры и молясь, чтобы огонь не выдал нас стражникам.

Это была моя самая тяжелая зима.

- Вы только гляньте на него! Спит в тенечке, пока все спиты гнут!

Этот голос я хорошо знал, потому не отреагировал. Добрыня вечно изводил меня. Обычно я называл его Злобыней. Он был высоким и тощим. Говорил премемерзко своим тонким девичьим голосом.

- А мы его счас быстро разбудим!

Вторым, кого я терпеть не мог в Болотово, был Деян. Вечно собачкой ходил за Добрыней и поддакивал ему. Ростом не вышел, зато уродился коренастым. Ему поручали тяжелую работу, но делал он ее спустя рукава. И этим двоим никто и слова не смел сказать, все же первый - сын старосты, а второй - его племянник.

Впрочем, во всей деревне меня не жаловали особо. Не знаю, что злило их сильнее - то ли то, что я ученик колдуна, то ли то, что зрение мое было ни к черту, и грядки я выгрести не мог как следует: вместе с сорняками ростки выдергивал. Сколько раз честно пытался - все одно, бабы ругались, будто я нарочно вредил урожаю. Так и отправили меня на самое простое занятие - овец пасти, чтоб под ногами не мешался и бед не приносил. Но и там покоя не находил. Стоило мне присесть на пригорке, как чувствовал на себе взгляды. Было неудобно, но старался не обращать внимания. Им же не объяснишь, что помимо помощи с овцами, мы с наставником ой как много делаем, когда никто не видит. Они вместо этого богов благодарят за то, что напасти их стороной обходят!

И тем днем я по обыкновению упорно делал вид, что этих двоих рядом нет, но воздух и зажатую между зубов травинку выбило от сильного удара. Я инстинктивно свернулся калачиком, сжимая бок. Зашелся кашлем. Прилетало не впервой, но до чего ж сильно лупили каждый раз!

- Чего вам?

Раздражение кипело во мне. Я уставился на дураков, что

изо дня в день донимали меня. Иногда они это делали от скуки. Иной раз просили дать отвар, который вызовет запор иль девку приворожит, а когда слышали отказ, то избивали меня.

- Как это чего? Пришли проверить, как ты пасешь овец наших. - Пропищал Добрыня.

Тогда я понял, что им просто скучно. Опять.

- Проверили? Идите по своим делам. - Бок все еще саднило, но я старался не показывать боли, иначе нападки станут только агрессивнее.

- Мы разве тебе не говорили отрезать космы? - коренастый присел рядом на корточки и резко дернул меня за волосы. - Как девка выглядишь! Иль, может, ты нарочно?

Парочка загоготала. Я ударил по вцепившейся в волосы руке, но это не возымело никакого эффекта. Коренастый лишь сильнее натянул пряди, вынуждая запрокинуть голову.

- Так это, может он ищет иного толка работу? - тощий широко улыбнулся. Несколько зубов не хватало. Моих рук дело.

- Закрой свой рот!

Я был весьма пылким тогда. Дернулся, желая наподдать обидчику, но хватка коренастого оказалась слишком сильной. Знал это, и все равно пытался выбраться, разбить обидчику лицо.

- Деян, ты только глянь, как смотрит! Похоже, умертвить тебя хочет! - засмеялся Добрыня. - Вот только силенок не

хватает. Иль побежишь жаловаться своему колдуну, как девка?

Парочка снова загоготала.

Тогда я отделался лишь одним синяком на боку. Видать, у деревенских настроение оказалось хорошим. Они ушли, оставив меня в покое.

- Как же ты докатился до такого? - вдруг перебила Ярослава. - Почему просто не ушел из деревни?

Она отложила ложку и теперь смотрела на меня внимательно. Наверное, мой рассказ зацепил ее. В другое время она бы продолжала заниматься своими делами, лишь изредка кивая, слушая вполуха, но сейчас все внимание было обращено ко мне. Что не могло не радовать.

- Сама же знаешь, не все в жизни так просто. Да и деревня та мне не родная была. Я был бы только рад уйти, кабы все зависело от одного моего желания.

Ярослава вопросительно взглянула, без слов подталкивая продолжать.

- Похоже, рассказ выйдет очень долгим. Ладно, начну издалека. Родился я в Громодарском княжестве.

Заметил, как брови ее метнулись вверх. Не особо удивилась, но такого точно не ожидала.

- То-то на местных не сильно похож. И как же тебя в Болотово занесло?

- А ты не перебивай, все расскажу. Жили мы бедно, как и многие в округе. Отец вечно где-то пропадал, пьянствовал,

а мать то на поля ходила, то ночами пыталась спасти нас от его избиений. Уж не знаю, за какие грехи родители продали ее этому мужлану Я его на дух совершенно не переносил. Впрочем, не жаловался. Так жили почти все на нашей улице. Отца никто не осуждал, мол, мужик, что с него взять. А вот мать грязью поливали, дескать, хозяйка она никудышная, раз ее приходится так «воспитывать». И о моем воспитании также говорили.

Городок наш назывался Неяск. Даже знать не знаю, стоит ли он до сих пор. Озеро да несколько рек окружали его со всех сторон, потому там вечно было сыро, туман стлался над крышами, а морось, казалось, никогда не прекращалась.

В один из таких серых осенних дней мать вернулась с поля усталой и бледной. К ночи ее начал бить жар. Отец в тот день в очередной раз пьяный приполз домой и рухнул на пороге, да там же и захрапел. Я бегал по соседям, стучался в двери, просил отваров каких или одеял и шкур для матери, потому что в доме с приходом осени стало проморзгло. Но меня гнали прочь.

Помог лишь пришлый старик, что объявился за пару седмиц до этого на нашей улице. Я несколько раз видел его, сидящем на чьей-нибудь завалинке, да слышал разговоры местных о том, что, мол, побирается он, нищий, и гнать его надо взашей - самим есть нечего. И вот, когда я стучал в очередную соседскую дверь и молил о открыть, он вышел из тени и предложил помощь. Старик пришел к нам в дом, сидел

у кровати и отпаивал мать, как мог, шептал что-то постоянно. Но к утру жар ее тела сменился холодом.

На рассвете отец проснулся. Орал, тряс мать за плечи, бил по лицу. Он все не мог понять, что она уже в Навь отправилась. Я пытался его оттащить, сквозь всхлипы говорил, что ее больше нет. Но лишь получил наотмашь по лицу, аж кровь из носа пошла.

Старик, который пытался помочь, оказался знахарем. Он меня отвел к себе, - оказывается, у него был дом да намного ближе к центральной улице, - компотом горячим напоил, выпечкой накормил - я на тот момент такую ни разу не пробовал, очень вкусная, - а потом ушел, наказав не выходить на улицу. А я и не собирался. Впервые тогда смог спокойно поспать и отдохнуть с набитым животом.

Старика не было весь день, а когда вернулся, начал и меня отварами отпаивать. Я тоже тогда заболел, видать, от матери заразился. Яков сказал, что четыре ночи на грани Яви и Нави был. Обо мне так никогда не заботились. Я вкусно кушал, в горячей воде распаривался, отдыхал, а не на реке пахал.

Старик домой меня не пускал, да и я как-то не очень хотел возвращаться. Даже одни только мысли о матери причиняли боль, отчего в груди все сжималось. Ее образ все время стоял перед глазами: усталая, осунувшаяся, бледная. Я все время тихонько плакал, чтобы старик не видел. Отчего-то не хотел, чтобы он видел меня таким раздавленным и сломленным.

Уж не знаю, какие боги меня слышали, но в дом я вер-

нулся лишь один раз и то, чтобы свои скудные пожитки собрать. За день до этого узнал, что отца вздернули. За что? Да черт его знает. Вроде подрался с кем-то важным или украл что-то. Я не сильно расстроился. Но в тот день я впервые почувствовал облегчение. Как будто с ног и рук сняли тяжелые оковы. Вместе с этим внутри образовалось какое-то чувство пустоты. Я остался совершенно один.

До самой зимы так и жил у Якова. В его доме всегда было тепло, даже когда по ночам уже подмораживало. В сенях сушились пучки трав, под потолком висели связки корней и грибов, а в углу, за деревянной шаткой ширмой, стояли вещи, к которым он не подпускал меня. Однажды даже палкой по рукам хлестнул меня за любопытство.

Старик все время отлучился куда-то и запрещал мне выходить на улицу. Постепенно я понял, что он не просто знахарь, а колдун. Он редко говорил о своем ремесле прямо, но однажды, за ужином, будто между делом сказал, что мне бы стоило учиться. Что из меня, мол, может выйти толк. Что я нутром все хорошо чувствую.

Как он это понял - не знаю. Сколько ни спрашивал, только усмехался и отводил взгляд, будто не хотел, чтобы я узнал чего лишнего раньше времени. Да и чем он в Неяске занимался тоже не докладывал, вот только дом его был хорош и располагался не в бедном месте.

Я особо не придал значения его предложению, но от нечего делать согласился. Возвращаться было некуда, а сидеть

без дела - невыносимо. Когда узнал, чего мне это будет стоить, то свернуть с пути уже не мог.

- А если бы ты вернулся в прошлое и оказался перед этим выбором, согласился бы?

Я взглянул на Ярославу, вынырнув из воспоминаний. Она подалась вперед, подперла рукой голову и с интересом смотрела на меня своими красивыми зелеными глазами. Для таких и приворот не нужен – сами по себе очаровательны.

- Ну так что?

- Что что? Глаза твои красивые отвлекли меня. Аж позабыл обо всем.

Ярослава хмыкнула и в смущении отвела взгляд. Я с удовольствием заметил, что щечки ее слегка порозовели.

- О чем ты спросила? А! Так вот, если бы я вернулся в прошлое и оказался перед этим выбором, то не изменил бы его. Ведь только благодаря этому встретил тебя. А так был бы сейчас дряхлым стариком. Хотя нет... Скорее всего мое тело уже давно где-нибудь сгнило.

Ярослава ничего не ответила, лишь едва улыбнулась, а я продолжил рассказ:

- Наставник сначала давал мне простые задания: перебрать травы, растолочь корни, смешать отвары. Приходилось много слушать и еще больше наблюдать. Старик иногда мог бродить по лесу и молчать часами, а я все повторял за ним. Позже стал ловил себя на том, что угадываю его движения еще до того, как он к ним приступал.

Ох, как же я позже жалел, что вообще ввязался во все это. Все эти корешки, листья, цветочки, настои - как же терпеть не мог все это. Наставник мог часами рассказывать, какое дерево, как и почему растет, какую траву когда срезать, а какую ни в коем случае не трогать после заката. Но, хочешь не хочешь, а за год кое-чему научился. Вскоре смог сам заговаривать отвары. Простые, конечно. От жара, от боли или от дурных снов. Но и это мне тогда казалось почти чудом.

Яков мне так и не поведал, откуда родом, лишь сказал, что приехал издалека.

Все чаще к наставнику стали наведываться жители Неяска. Молва о нем быстро разошлась. Сначала приходили осторожно, неуверенно стучались, озирались в доме. Потом стали тянуться все чаще за всякими настоями, отварами и мазями, пока в край не оборзели. Все им нужно было и от всего. И за просто так! И вот тогда я понял, насколько мерзкими могут быть люди. Те самые, что за глаза плевались и шептались, будто наставник с Навью якшается, будто беды из-за него в их домах возникают, - что было неправдой, - стали прибегать, как миленькие, стоило болезни их коснуться. Приходили, униженно кланялись, лебезили, голос делали жалостливый-прижалостливый, даже слезы на глаза пускали. Становились тише воды, ниже травы. Тьфу, смотреть на это было мерзко. Я злился, говорил об этом наставнику, спрашивал, как он может помогать этим лицемерам после всего. А он лишь отмахивался. Говорил, что не ему судить. Что боги

сами воздадут каждому по делам его. А помогать надо всем, потому что нет ничего ценнее жизни. Если честно, до сих пор не очень понимаю его. Тут я с твоим братцем Иданом больше соглашусь, что иногда лучше избавить мир от пары тройки человек, чем дать умереть тысячам из-за них.

Ярослава выпрямилась, отложила ложку и скрестила руки на груди. Взгляд ее уперся в единственное окно, за которым шуршал вечерний лес. Она долго молчала, словно примеряясь к словам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.